

АГОНАЛЬНАЯ ЭРИСТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИСКУРСИИ: ТИПОВЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ, ФУНКЦИИ И СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

А.А. Романов, Л.А. Романова

Пристальное внимание к агональным параметрам политической дискурсии и к их широкому внедрению в пространство публичных коммуникаций обуславливает необходимость выяснения содержательной наполненности и специфики функционального проявления данного феномена в агонально-эристической (“боевой”) коммуникации. Выделяется определенный набор функционально-семантических свойств эристического поведения участников политической коммуникации, на базе которых определены типовые разновидности политической дискурсивной эристики. Особое внимание уделяется прагматической составляющей политической эристики, реализуемой участниками политической интеракции в тех или иных её разновидностях в качестве «острой силы» для победы на своем сопернике.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: агональный, дискурс, политическая дискурсивная практика, политическая эристика, эристическое поведение

РОМАНОВ Алексей Аркадьевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и межкультурной коммуникации Тверской государственной сельскохозяйственной академии; профессор кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики Тверского государственного университета, заслуженный деятель науки РФ.
romanov_tgsha@mail.ru

РОМАНОВА Лариса Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка и межкультурной коммуникации Тверской государственной сельскохозяйственной академии.
romanov_tgsha@mail.ru

Цитирование: Романов А.А., Романова Л.А. Агональная эристика политической дискурсии: типовые разновидности, функции и сущностные

характеристики [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2021, № 3. – С. 1–21. Режим доступа: www.tverlingua.ru

AGONAL ERISTICS OF POLITICAL DISCURSION: TYPICAL VARIETIES, FUNCTIONS AND ESSENCES SPECIFICATIONS

Aleksey A. Romanov, Larisa A. Romanova

Careful attention to the agonal parameters of political discourse and widespread introduction into the space of public communications makes it necessary to clarify the content and specificity of the functional manifestation of this phenomenon in the agonal-eristic (“combat”) communication. A certain set of functional and semantic properties of the eristic behavior of participants in political communication is distinguished, on the basis of which typical varieties of political discourse eristics are determined. Particular attention is paid to the pragmatic component of political eristics, implemented by participants of political interaction in one or another of its varieties as a "sharp force" to win against their rival.

KEY WORDS: agonal, discourse, political discourse practice, political eristics, eristic behavior

ROMANOV Aleksey A. – DSc in Philology, Professor, Head of the chair of the theory of language and intercultural communication, the director of Tver Institute of Applied Linguistics and Mass Communications of Tver State Agricultural Academy, professor of the chair fundamental and applied linguistics of Tver State University, Honored scientist of the Russian Federation. Honored scientist of the Russian Federation. romanov_tgsha@mail.ru

ROMANOVA Larisa A. – DSc in Philology, Professor, Professor of the chair of language and intercultural communication of Tver State Agricultural Academy. romanov_tgsha@mail.ru

Citation: Romanov A. A. Romanova L.A. Agonal eristics of political discursion: typical varieties, functions and essences specifications [Electronic resource] // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. – 2021, № 3. – P. 1–21. Access mode: www.tverlingua.ru

«Проблемная ситуация» не позволяет говорить о принадлежности к той или иной науке, но требует говорить о «центре» проблемной ситуации. Я полагаю, что центром проблемной ситуации ... является проблема субъекта. Именно она объединяет в наши дни лингвистику, психоанализ, эпистемологию, логику, философию, историю, политологию.
Ю.С. Степанов, 1999

Одной из существенных характеристик социального взаимодействия в современном политическом пространстве является усиление влияния коммуникативно - информационного пространства на коллективное сознание, которое проявляет себя в изменении коммуникативных отношений в пользу неравенства одной из участвующих в социальном взаимодействии сторон на основе расширения властного, силового способа влияния открытого, скрытого или смешанного типа. В этих обстоятельствах особую значимость приобретает изучение состояния и динамики семиотического взаимодействия языка, человека, общества и культуры, в котором (взаимодействии) важная роль отводится языковой компоненте, формирующей посредством вербально-дискурсивных практик поддержку и складывающиеся изменения в отношениях между сторонами в современном обществе.

Для осознания и осмысления процессов, раскрывающих не только механизмы, но также и технологические приёмы, способы и техники влияния на консциентальную (от лат. “conscientia” – сознание, знание, осведомлённость, совесть) сферу социума, которые закладывают в нём базовые основы для выработки общественного мнения, требуется детальное рассмотрение вербально-ного (дискурсивного) пространства, отражающего “острый” характер взаимодействия и противодействия (противоборства) участвующих в нём сторон, чтобы нивелировать, понизить или полностью подорвать репутационный капитал своего соперника в глазах электоральной общественности. В этом плане особенно остро встаёт вопрос о роли

морально-нравственного аспекта и нормативно-этической тональности дискурсивного воздействия, когда в предвыборный период возникает публичная борьба как за политическую власть и политическое доминирование в общественном сознании, так и за продуктивное решение проблемных ситуаций, связанных не только с выбором кандидата на ту или иную политическую роль, но и за конкурентный отбор среди кандидатов, обусловленный социально-политическим выбором тех кандидатур, которые номинируются политическими партиями, общественными организациями или объединениями на конкретные политические посты и должности на основе доминирующих предпочтений в общественном сознании или проведенных пробных выборах – “праймериз” (Романов, 2002; Романов, Царьков, Романова, 2017; Романов, Новоселова, 2021; Романов, Черепанова, 1998; Sharma et al., 2020).

Острота проблемы выбора и отбора претендентов на выборную должность и их последующего успешного продвижения на стадиях конкурентной борьбы за право называться зарегистрированным кандидатом предполагает не только наличие широкого арсенала вербально-авербальных средств воздействия, но и требует от кандидатов особой – повышенной – нравственной ответственности за использование форм вербальной реализации политических коммуникативных практик, нацеленных на победу. Нравственная ответственность за использование конкретных языковых форм обуславливается тем фактом, что среди обширного многообразия форм реализации политических коммуникативных практик, раскрывающих механизмы борьбы в сфере публичной политической деятельности, таргетированной на завоевание, удержание и использование государственной власти в своих целях и интересах, выделяется обширный класс коммуникативно-дискурсивных практик *агональной* направленности (от греч. ἀγώνια – “агон” в значении «борьба, состязание»), в которых оценочно и тонально отражаются «эристические» черты социально-вербального поведения, внутренне присущие речевой агональности в *состязательной*

коммуникации и ведущие, по мнению участников предвыборной борьбы, к словесной «победе любыми доступными средствами» и убеждающие говорящего субъекта, что в своём стремлении к победе «он всегда бывает прав» (Шопенгауэр, 2000: 3).

Введенный в современную практику предвыборной политической борьбы термин “эристика” имеет свою давнюю историю, истоки которой находятся в традициях риторического «искусства вести споры» и моделей карнавально-площадного скоморошества (ср., например, философские и эстетические концепции Аристотеля, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, Ф. Рабле, М.М. Бахтина, Ю. Хабермаса, Ж. Деррида). Относительно самого термина “эристика” как «искусство вести прения и споры или разговоры» (Шопенгауэр, 1900: 3) и его производного – «эристический» – уместно заметить, что в переводе с греческого «эристика» («искусство спорить») есть искусство спора и ведения дискуссии, которое было разработано софистами. В частности, Аристотель, определял “эристику” как «искусство спора нечестными путями», которое учит доказывать свою правоту в любом споре, даже если утверждающий и настаивающий на своей правоте участник дискуссии далек от истины. В этом исследователи видят отличие эристики от полемики (ср.: Поварнин, 1923). По утверждению А. Шопенгауэра (1900: 3–7), стремление человека быть правым находит применение везде: в семейных спорах, обсуждениях на работе, в научных диспутах и полемике, на дебатах и во всех остальных местах, где люди спорят, например, в общественно-политической сфере жизнедеятельности человека как члена общества, а именно – в предвыборной политической борьбе за право быть избранным на любую выборную должность (см. подробнее о различиях между спором и полемикой в работе: Поварнин, 1923).

Обращение к истокам эристики и конкретные рекомендации Артура Шопенгауэра о том, как завершать споры победой, позволяет очертить логическое пространство (поле) фокусных проблем, относящихся, главным образом, к обоснованию триады типологических разновидностей эристики и

выделению типовых характерных черт (свойств) её вариативных составляющих, среди которых можно выделить наиболее типичные, а именно:

1) разновидность *риторической эристики*, которая трактуется как «логика, как наука мышления, то есть деятельности чистого разума», где «эристическая диалектика» суть определённый набор «приёмов для ведения прений и споров или разговоров» (Шопенгауэр, 1900: 4), реализующая в интерактивном обмене коммуникативными практиками (т.е. в «интеллектуальном фехтовании», по А. Шопенгауэру) «эристическую речевую компетенцию» как способность средствами языка и речи эксплицировать и отстаивать свою точку зрения (Сковородников, 2014). Однако в стремлении говорящего субъекта вербально («любыми средствами») отстаивать свою точку зрения одновременно проявляется не только *суть* риторической эристики, но и её непосредственная *парадоксальность*, которая сводится к следующему тезисному посылу: «любовь к правде <...> совершенно уступает место любви к собственному мнению; так что правда таким образом начинает казаться ложью, а ложь – правдой. <...> Благодаря этому, если мы и не принуждены непременно быть в споре недобросовестными, то по крайней мере легко очень можем случайно сделаться ими. Отсюда следует, что ведущий диспут борется не за правду, но за свой тезис, как за самое дорогое, ведет дело всеми правдами и неправдами и ... нелегко может освободиться от этого. Всякий стремится одержать верх даже в том случае, когда отлично сознает, что его мнение ложно и ошибочно или сомнительно». Поэтому «логика должна заняться объективной правдой, насколько эта правда может быть формальной, а диалектика должна ограничиться одержанием побед в спорах» (Шопенгауэр, 1900: 6). Следовательно, в своей первой разновидности «эристическая диалектика» сводится к «искусству вести споры, но таким образом, чтобы всегда оставаться правым, то есть всеми правдами и неправдами», не отделяя при этом «диалектику от софистики и эристики» (Шопенгауэр, 1900: 4–6);

2) разновидность *философско-культурологической*, точнее – *эмотивно-эстетической – эристики*, которая рассматривается как *эвристический метод* полифонического и неоднозначного восприятия говорящим субъектом социального *бытия*, окружающей *действительности* путём активного критического оценивания сложившейся или складывающейся политической *реальности*, который (субъект) экспонирует посредством своих коммуникативных практик идеологические и политические установки, направленные на агитацию и пропаганду различных оппозиционных идей, взглядов, протестных настроений и призывов к шествиям и уличным манифестациям (о разграничении понятий “бытие”, “действительность” и “реальность” см.: Уайтхед, 1990; Романов, Романова, 2010). Парадоксальность характера обмена вербальными практиками эмотивно-эстетической эристики проявляется в прагматическом использовании эмоционально-окрашенных элементов их функциональной семантики, включающих в себя признаки и свойства карнавально-площадного юмора, сатиры и беспощадной критики, граничащей с оскорблением и унижением своего оппонента, а также подрывом его авторитета в глазах общественности. И «помощниками» в этом «могут служить в известной степени собственная ловкость и пронырливость» (Шопенгауэр, 1900: 5) участника, т.е. говорящего субъекта вербального обмена эристическими практиками. Карнавально-площадной характер эмотивно-эстетической эристики задаёт и формирует эмоциональный фон, градус накала и соответствующее психологическое напряжение в процессе обмена вербальными практиками, маркированными различным арсеналом лингвориторических средств, которые, преимущественно, ориентированы на завоевание и удержание внимания, а также подогревание интереса со стороны массовой аудитории к проблемам политической реальности;

3) разновидность *дискурсивно-прагматической эристики*, отражающая тактико-стратегический базис (основу) вербально-социального поведения говорящего субъекта в дискурсивном противостоянии, в котором говорящий

субъект стремится реализовать свою установку добиться победы, чтобы реализовать свои коммуникативные задачи в координатах “я – здесь – сейчас”. В общем и целом, данная разновидность эристики рассматривается как наиболее востребованный подход говорящего субъекта к успешной (результатирующей) реализации своего рече-агонального поведения для достижения победы в бескомпромиссной концентрированной борьбе против оппонирующего противника.

Результатирующий эффект успешного “боевого” противостояния обуславливается возможностью участников такого противостояния комплексно использовать различные (1–2–3) варианты речевого поведения для решения своих коммуникативно-прагматических задач. Тем не менее, в процессе последовательного достижения результирующего (победного) эффекта эристическими средствами всё же следует иметь в виду, что только логической последовательности в использовании вариантов речесостязательного (вербо-агонального) поведения для достижения победы будет недостаточно, так как «логика занимается только формой утверждений, диалектика же исследует их суть и материю; поэтому исследование формы, как общей вещи, должно предшествовать исследованию сути или подробностей», поскольку «наш мозг весьма раздражителен во всем, что касается интеллектуальных сил, и никак не хочет согласиться, чтобы было ошибочно то, что мы сказали первоначально, а то, что сказал противник – справедливо» (Шопенгауэр, 1900: 6–7). В этой связи нужно не забывать, что в конфронтационном противостоянии учёт логического порядка в употреблении эристических дискурсивных практик в комплексе с рекомендациями А. Шопенгауэра по использованию эристических уловок может оказаться эффективным лишь в том случае, если говорящий субъект станет умело использовать “правильные” приемы эристики.

Следовательно, эффективность воздействующего потенциала вариативных форм вербального поведения на участников конфронтационного взаимодействия (т.е. эффективность применения

эристических практик в сочетании с уместными стратегиями и тактиками) опирается на определенный инвариант типовой фреймовой конфигурации речевого взаимодействия в формате «политический рэп-баттл». Конкретный формат такого вербального баттла (его сценарий по типу ФСП) оказывается в зависимости от выбранной линии тактико-стратегической «градуированности» проявления речевой конфронтации и социо-этно-политической маркированности вербальных средств, экспонирующих накал и характер “боевого” настроения участников одержать победу в конфронтационной интеракции. При этом, участникам конфронтационной интеракции необходимо иметь в виду, что тактико-стратегическая «градуированность» проявления вербальной агрессии может в определенной степени подвергаться регулированию и регламентированию как со стороны институциональных норм и ритуальных правил, так и со стороны самих участников интерактивного обмена, в то время как социо-этнополитическая маркированность вербальными средствами уровня накала интерактивной эристики может частично контролироваться этнокультурными речеповеденческими паттернами, т.е. готовыми – или заготовленными заранее – формами и формулами, например, формулами ритуального (также и «риуализированного») поведения или социального этикета (Романов, Романова, Федосеева, 2013).

Но на какую бы из двух перечисленных вариативных составляющих конфронтационной интеракции ни опирался каждый из участников во время реализации агональной манеры поведения и использования приёмов эристики, он все равно будет стремиться к реализации поставленной цели – добиваться абсолютного выигрыша, чтобы одержать безоговорочную победу над своим оппонентом или соперником. Поэтому обеспечивающие выигрыш коммуникативные практики вербальной эристики уже заранее нацеливают (готовят и направляют, “заводят”) каждого участника “боевого” противостояния вести себя таким образом, чтобы он мог «всегда оставаться правым, то есть всеми правдами и неправдами» Шопенгауэр, 1900: 3, 5)

добиваться победы. И «помощниками» в этом стремлении говорящего субъекта отстаивать свою правоту «могут служить в известной степени собственная ловкость и пронырливость» (Шопенгауэр, 1900: 5) каждого из участников противоборства.

В таком случае не приходится удивляться, что в коммуникативных практиках вербального противостояния оценочно отражаются «эристические» черты вербального поведения автора таких практик, которые (черты) в той или иной мере внутренне присущи состязательной коммуникации как таковой и способны вести к словесной «победе любыми доступными средствами». Представляется, что ингерентная эристичность формата состязательной коммуникации убеждает автора как говорящего субъекта, что в своём стремлении к победе «он всегда бывает прав». Выходит, при отсутствии должного контроля над своим вербальным поведением автор эристических практик реализует шопенгауэровский постулат – «ты всегда прав» в выборе вербальных и невербальных средств и в манере их презентирования сопернику и общественности, что, безусловно, раскрепощает автора практик как говорящего субъекта и снимает ответственность за категоричность утверждений, за те или иные перехлёсты в использовании метафор, сравнений и оценок. Таким образом свобода и раскрепощенность автора интенсифицирует остроту и эмоциональный фон процесса «боевого» обмена бескомпромиссными «практиками – ударами».

К числу специфических черт вербального «эристического поведения» можно отнести характерные для агонально-эристической («боевой») коммуникации свойства, а именно: *бескомпромиссность* противоборства с соперником, *динамика* вербального обмена, *публичная зрелищность*, *эмоциональный накал* вербального противоборства, *заряженность* на победу любыми средствами, *остроту* и *характерность* метафорической образности атакующих действий участников друг против друга в виде вербальных «уколов» или вербальных «ударов», *точность* адресатного выбора, а также *точность* и *соответствие попаданий* в тематику обсуждаемых проблем,

скорость, быстрота и эффективность ответной реакции на выпады оппонента, а также *попадание в ритмику* интерактивного обмена “боевыми” вербальными действиями - практиками. Настрой участников агонально-эристической дискурсии на бескомпромиссное соперничество и обязательный выигрыш ярче и рельефнее всего проявляется в коммуникативных практиках предвыборной «дискурсии и контрдискурсии» (Романов, 2002; Романов, Романова, 2018a; Романов, Черепанова, 1998; Romanov, Malysheva, 2016).

В отмеченных свойствах коммуникативных практик отражается конкретная (специфическая, агонально-эристическая) речевая деятельность политических акторов, в широком понимании терминов, которая формируется возникающими в процессе этой деятельности вербальными произведениями в виде *высказывания, текста, дискурса (естественно-языковой практики)* или *поликодового образования – коммуниката* как комплексного коммуникативного единства, образованного взаимодействием лингвистических, паралингвистических и экстра-лингвистических факторов, и реализуется в определенном социальном пространстве. В этом смысле предвыборная дискурсия выступает как совокупность построенных по типовому образцу (схеме, фрейму) речевых (вербальных, дискурсивных) практик, действий или коммуникативных актов, реализуемая претендентами (участников, кандидатов) в борьбе за тот или иной выборный политический пост (Романов, 2002: 25; Романов, Черепанова, 1998: 7–49, 75–95; Романов, Романова, Воеводкин, 2000: 17–18). В манифестационном плане указанные практики маркированы различными лингвориторическими средствами и ориентированы на процесс завоевания или удержания политиком власти, а также на привлечение внимания массовой аудитории к политической программе претендента на выборный пост, а также к своему имиджу политика и к собственной личности (подробнее см.: Романов, 1988; 2002: 24–27; 2020; Романов, Новоселова, 2020; 2021; Романов, Романова, 2018; 2018a; 2018б; 2021; Романов, Царьков, Романова, 2017: 5–39; Романов, Ходырев,

1998; 2000; 2001; Романов, Черепанова, Ходырев, 1997; Романов, Черепанова, 1998).

Политические коммуникативные практики (также: коммуникаты, послания), раскрывающие механизмы борьбы за выигрышные показатели и результирующую деятельность итогов предвыборного марафона, характеризуются широким разнообразием дискурсивных разновидностей воздействия на массового избирателя, среди которых выделяются своей зрелищностью, динамичностью и таргетированной направленностью агонально - конфронтационные – состязательные, нацеленные на выигрыш и публичную победу над оппонентами всевозможными доступными средствами – практики прямого противостояния с соперником лицом к лицу. В первую очередь к их числу следует отнести практики предвыборных дебатов на ТВ, теле- и радиоинтервью, публичные беседы с потенциальными избирателями в общественных приёмных, откровенные разговоры на встречах с избирателями в трудовых коллективах, общественных организациях и молодёжной аудитории, а также публичные выступления перед широкой аудиторией, где нередко возникают полемические дискуссии как с активными сторонниками, так и с оппонентами и т.п.

Стремление претендентов привлечь на свою сторону широкую аудиторию потенциальных сторонников и успешно избраться на тот или иной выборный пост обуславливает поиск новых неординарных форм эффективного воздействия на избирателей, которые (формы) могли бы интенсифицировать воздействующий потенциал предвыборных дискурсивных практик с целью социально-возрастного расширения секторального охвата необходимого электората и увеличения аттрактивной – в том числе и эмотивно-зрелищной – составляющей фонового контекста своих предвыборных кампаний. Практика привлечения к избирательным кампаниям народных артистов, любимых в народе спортсменов, современных писателей, а также авторитетных и популярных теле- и

радиожурналистов широко известна. И эта практика не является случайной, а наоборот – достаточно продуманной и своевременной.

Становится очевидным, что наступает – или, может быть, точнее, уже наступило – время пересмотра и смены границ “поля боя” политических кампаний. Этому пересмотру способствуют современные темпы развития инфосферы, сочетающие в себе мощности отработанных на практике традиционных методов организации и проведения предвыборных кампаний и эффективность современных методов рекламы и политического маркетинга, что в своей совокупности всё больше и больше затрудняет эффективность контактов между массовым избирателем и вступающим в политическую борьбу претендентами. Именно трудности контактного взаимодействия радикально меняют картину и облик предвыборных политических кампаний и побуждают вести поиск новых форм более тесного и эффективного контакта между претендентами на выборную должность и массовым избирателем.

С точки зрения воздействующего потенциала политических дискурсивных практик-коммуникатов, такая практика, оправданно опирается на научно - экспериментальную основу, ибо, как пишет классик немецкой социологии Элизабет Ноэль-Нойман (1996: 169), «человека волнует ощущение того, что он движется в одном направлении с другими, это воодушевляет его. Средства демоскопии (как метода социологического описания жизни народа – А.Р., Л.Р.) позволяют сегодня наблюдать накал зрительских симпатий во время Олимпийских игр или чемпионатов мира по футболу, демонстрации многосерийного детектива по телевизору, когда пустеют улицы, или же восторженное настроение населения, с интересом следящего за триумфальной поездкой по стране английской королевы. Даже предвыборная борьба в бундестаг каждый раз вызывает всеобщее оживление».

Отмеченные социологом «воодушевления», а также «всеобщее оживление», «восторженное настроение народа» и «накал зрительских

симпатий» суть упомянутые нами выше составляющие элементы фонового контекста организовано проводимых мероприятий-кампаний, которые (элементы) в силу своей организованности и единения людей в избирательной кампании создают у причастных к ней избирателей «чувство общности», корни которого кроются в прототипическом прошлом, в «состоянии безопасности», придаваемой чувством общности, а также в «способности противостоять, действовать и быть свободным – хотя бы на какое-то время – от страха перед изоляцией» (Ноэль-Нойман, 1996: 169).

Скорее всего, по этим причинам публичные формы бескомпромиссного агонального противостояния являются для потенциального массового избирателя более зрелищными, притягательными и предпочтительными формами реализации политических коммуникативных практик, раскрывающих механизмы борьбы в сфере публичной политической деятельности. Вместе с тем, современные ритмы развития общества и интенсивность доминирования сетевых коммуникаций, а также новые возможности компьютерно-медийных технологий диктуют необходимость поиска и апробации новых форм воздействия на массового избирателя, которые были бы эффективнее применяемых на современном этапе избирательных технологий и могли бы отвечать новым вызовам и запросам времени в сфере общественной жизни на поиски и выбор политических лидеров, способных соответствовать различным поворотам и требованиям современного мира. И в этих обстоятельствах уместно вновь вспомнить слова К. Клакхона (1998: 321) о том, что для обозначенных целей, «должны быть проведены смелые эксперименты и поиски новых *объединяющих принципов*, согласующихся с миром, в котором *коммуникация и экономическая независимость* уже составили один из таких принципов – впервые за всю человеческую историю» (курсив наш – А.Р., Л.Р.).

Представляется, что такой смелой попыткой является осуществление «экспериментального шага», отражающего, на наш взгляд, стремление к единению и объединению всех заинтересованных в прогрессивном развитии

общества сторон – выбрать достойного претендента или кандидата на соответствующий политический пост путём реализации принципа *коммуникации*, а не силового противостояния или вооруженного переворота и учёта принципа *экономической независимости*. Совершенно очевидно, что если соперники будут в эристической интеракции следовать этим принципам К. Клакхона и придерживаться взгляда на коммуникативный обмен как на целенаправленную связь одного участника с другим для синергичной реализации определенных целей и задач, то жанр политического рэп-баттла сохранит боевой накал противостояния и в то же время окажется способным нивелировать экстравагантную градуированность взаимных обвинений, оценок, оскорблений и прямых нападков на личность своего визави. По этой причине выбор дискурсивно - жанровой формы политического рэп-баттла в качестве экспериментальной альтернативы уже апробированным в отечественном политическом пространстве предвыборным технологиям представляется оправданным, так как его (рэп-баттл) можно с полным правом считать тем «экспериментальным шагом», осуществить который предлагает К. Клакхон.

Поэтому вполне логичным и обоснованным можно признать, что проведение 5 октября 2017 года в Санкт-Петербурге первого в Российском политическом пространстве предвыборного состязания в виде вербального политического рэп-баттла (см.: Политический рэп-баттл. Полная версия, URL) является таким смелым «экспериментальным шагом». Вместе с тем, однако, прежде чем приступать к анализу такого коммуникативного феномена в российском политическом пространстве как прагмакогнитивный конструкт политического противоборства в виде «вербального рэп-баттла», было бы целесообразно не только рассматривать в общих чертах истоки и предпосылки появления феномена «вербальный рэп-баттл» в его особой разновидности «политический рэп-баттл», но и подробнее осветить специфику пространства дискурсивной эристики в отечественном информационно-медийном пространстве публичных коммуникаций.

Ссылки – References in Russian

Клакхон, 1998 – *Клакхон К.* Зеркало для человека. Введение в антропологию. Пер. с англ. – СПб.: «Евразия», 1998. – 352 с.

Ноэль-Нойман, 1996 – *Ноэль-Нойман Э.* Общественное мнение: открытие спирали молчания [Электронный ресурс]. Пер. с нем. – М.: Прогресс-Академия; Весь Мир, 1996. – 352 с. Режим доступа: [ehhttp://socioline.ru](http://socioline.ru)

Поварнин, 1923 – *Поварнин С.И.* Искусство спора. О теории и практике спора. Изд. 2-е. – Петроград: Изд-во культурно-просветительного кооперативного товарищества «Начатки знаний», 1923. – 103 с.

Романов, 1988 – *Романов А.А.* Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. – 183 с.

Романов, 2002 – *Романов А.А.* Политическая лингвистика; Функциональный подход. – Москва – Тверь: Ин-т языкознания РАН; Тверская ГСХА, 2002. – 191 с.

Романов, 2020 – *Романов А.А.* Лингвопрагматическая модель речевого управления диалогом: Системный анализ. – М.: Ленанд, 2020. – 262 с.

Романов, Новоселова, 2020 – *Романов А.А., Новоселова О.В.* Дискурсивная реализация угрозы в предвыборной коммуникации // *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Т. 24. № 2. – С. 419–448. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-419-448.

Романов, Новоселова, 2021 – *Романов А.А., Новоселова О.В.* Менасивные конструкты предвыборной дискурсии. – М.: Флинта, 2021. – 440 с.

Романов, Романова, 2010 – *Романов А.А., Романова Л.А.* Конверсационная реальность дискурса // *Ars grammatica: Грамматические исследования, Тез. докладов 4-й Международной научной конференции, Минск, 2–3 ноября 2010 г.* – Минск: Минск. гос. лингвист. ун-т, 2010. – С. 25–27.

Романов, Романова, 2018 – *Романов А.А., Романова Л.А.* Вербальная агрессия в профессиональной коммуникации. – Тверь: Тверск. государственный ун-т, 2018. – 292 с.

Романов, Романова, 2018а – *Романов А.А., Романова Л.А.* Фейковая дискурсия и контрдискурсия в концентриальном противостоянии // Русский язык и литература в профессиональной коммуникации и мультикультурном пространстве: мат. Международной научно-практической конф. – Москва: «Перо»; Саратов: Амирант, 2018. – С. 284–289.

Романов, Романова, 2018б – *Романов А.А., Романова Л.А.* Фейковая дискурсия vs дефензивная контрдискурсия в «информационной дуэли» // Языковой дискурс в социальной практике. Сб. научн. тр. Международной научно-практической конф. Тверь, 6-7 апреля 2018 г. – Тверь: Тверск. гос. ун-т, 2018. – С. 176–187.

Романов, Романова, 2021 – *Романов А.А., Романова Л.А.* Рэп-дискурс в зеркале прагматограмматического отражения предвыборной коммуникации // Инновационные технологии в АПК региона: достижения, проблемы, перспективы развития. Сб. научных трудов по материалам Национальной научно-практической конференции 9–11 февраля 2021 г. – Тверь: Тверская ГСХА, 2021. – С. 503–507.

Романов, Романова, Воеводкин, 2000 – *Романов А.А., Романова Е.Г., Воеводкин Н.Ю.* Имя собственное в политике: Язык власти и Власть языка. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тверская ГСХА, 2000. – 112 с.

Романов, Ходырев, 1998 – *Романов А.А., Ходырев А.А.* Управленческая имиджелогия. – Тверь: Изд-во ГЕРС; Тверская ГСХА, 1998. – 244 с.

Романов, Ходырев, 2000 – *Романов А.А., Ходырев А.А.* Управление персоналом: Психология влияния. – М.: Лилия, 2000. – 216 с.

Романов, Ходырев, 2001 – *Романов А.А., Ходырев А.А.* Управленческая риторика. – М.: Лилия, 2001. – 216 с.

Романов, Царьков, Романова, 2017 – *Романов А.А., Царьков П.Б., Романова Л.А.* Дискурсивный портрет думского либерала: Опыт историко-

лингвополитологического описания материалов публицистики и стенографических отчетов заседаний Государственной Думы России. – Тверь: Ин-т прикладной лингвистики и массовых коммуникаций ТГСХА, 2017. – 201 с.

Романов, Черепанова, Ходырев, 1997 – *Романов А.А., Черепанова И.Ю., Ходырев А.А.* Тайны рекламы. – Тверь: Изд-во ГЕРС, 1997. – 290 с.

Романов, Черепанова, 1998 – *Романов А.А., Черепанова И.Ю.* Языковая суггестия в предвыборной коммуникации. – Тверь: Изд-во ГЕРС; Тверская ГСХА, 1998. – 205 с.

Романов, Черепанова, 1999 – *Романов А.А., Черепанова И.Ю.* Суггестивный дискурс в библиотерапии. – М.: Лилия ЛТД, 1999. – 128 с.

Сковородников, 2014 – *Сковородников А.П.* Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник. – Красноярск: Сибирск. федер. ун-т, 2014. – 852 с.

Степанов, 1999 – *Степанов Ю.С.* Париж – Москва, весной и утром. Предисловие // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. Пер. с фр. и португ. / Общ. ред. П. Серию. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – С. 3–11.

Уайтхед, 1990 – *Уайтхед А.Н.* Избранные работы по философии: Пер. с англ./Сост. И.Т. Касавин: Общ. ред. и вступ. ст. М.А. Киссея. – М.: Прогресс, 1990. – 387 с.

Шопенгауэр, 1900 – *Шопенгауэр А.* Эристика. Уловки [Электронный ресурс] // Шопенгауэр А. Искусство побеждать в спорах. Сборник. Пер. Н.Л. д' Андре. – СПб.: Склад в книжном магазине Ф. И. Митюрникова, 1900. – С. 3–27. Режим доступа: <https://ru.wikisource.org/wiki/>

References

Klakhon, K. (1998) *Mirror for Man. Introduction to Anthropology*, St. Petersburg, "Eurasia", 352 p. (In Russian)

Noel-Neuman, E. (1996) *Public opinion: opening a spiral of silence* [Electronic resource], M., Progress-Academy; The whole world, 352 p. Access mode: <http://socioline.ru> (In Russian)

Povarnin, S.I. (1923) *The Art of Argument. On the theory and practice of the dispute*, 2 edition, Petrograd, Publishing house of the cultural and educational cooperative partnership "Elementary knowledge", 103 p. (In Russian)

Romanov, A.A. (1988) *System analysis of regulatory means of dialogue communication*, M., Institute of Linguistic RAS of USSR; Kalinin Agricultural Institute, 183 p. (in Russian)

Romanov, A.A. (2002) *Political linguistics; Functional approach*, Moscow - Tver, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; Tver State Agricultural Academy, 191 p. (In Russian)

Romanov, A.A. (2020) *Linguopragmatic model of speech control of the dialogue: system analysis*, M., Lenand, 264 p. (in Russian)

Romanov, A.A., Cherepanova, I.Yu., Hodyrev, A.A. (1997) *Secrets of Advertising*, Tver, Publishing house GERS, 290 p. (In Russian)

Romanov, A.A., Cherepanova, I.Yu. (1998) *Language Suggestions in Election Communication*, Tver, Publishing House of GERS; Tver State Agricultural Academy, 205 p. (In Russian)

Romanov, A.A., Cherepanova, I.Yu. (1999) *Suggestive discourse in bibliotherapy*, M., Lilia LTD, 128 p. (In Russian)

Romanov, A.A., Hodyrev, A.A. (1998) *Management Imageology*, Tver, Publishing house GERS; Tver State Agricultural Academy, 244 p.

Romanov, A.A., Hodyrev, A.A. (2000) *Personnel Management: The Psychology of Influence*, M., Lilia, 216 p. (In Russian)

Romanov, A.A., Hodyrev, A.A. (2001) *Management rhetoric*, M., Lilia, 216 p. (In Russian)

Romanov A.A., Novoselova, O.V. (2020) Discursive realization of the threat in election communication // *Russian Journal of Linguistics*, vol. 24, no. 2, pp. 419–448. DOI: 10.22363 / 2687-0088-2020-24-2-419-448. (In Russian)

Romanov, A.A., Novoselova, O.V. (2021) *Menasive constructs of pre-election discourse*, Moscow, Flinta, 440 p. (In Russian)

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2010) Conversion reality of discourse // *Ars grammatica: Grammatical studies, Abstracts*. Reports of the 4th International Scientific Conference, Minsk, November 2–3, 2010, Minsk, Minsk State Linguistic University, pp. 25–27. (In Russian)

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2018) *Verbal aggression in professional communication*, Tver, Tver State University, 292 p.

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2018) Fake discourse and counter-discourse in the conscientious confrontation // *Russian language and literature in professional communication and multicultural space: materials of the International Scientific and Practical Conference*, Moscow, "Pero"; Saratov, Amirant, pp. 284–289. (In Russian)

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2018) Fake discourse vs defensive counter-discourse in the "information duel" // *Language discourse in social practice*. Materials of the International Scientific and Practical Conference, Tver, April 6-7, 2018, Tver, Tver State University, pp. 176–187. (In Russian)

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2021) Rap discourse in the mirror of pragmatogrammatic reflection of pre-election communication // *Innovative technologies in the agro-industrial complex of the region: achievements, problems, development prospects*, Scientific papers based on the materials of the National Scientific and Practical Conference February 9-11, 2021, Tver, Tver State Agricultural Academy, pp. 503–507. (In Russian)

Romanov, A.A., Romanova, E.G., Voevodkin, N.Yu. (2000) *Proper Name in Politics: Language of Power and Power of Language*, M., Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; Tver State Agricultural Academy, 112 p. (In Russian)

Romanov, A.A., Tsarkov, P.B., Romanova, L.A. (2017) *A discursive portrait of a Duma liberal: Experience in the historical and linguo-political description of journalism materials and verbatim reports of meetings of the State*

Duma of Russia, Tver, Institute of Applied Linguistics and Mass Communications, Tver State Agricultural Academy, 201 p. (In Russian)

Romanov, A., Malysheva, E. (2016) Political language in Internet communication // The V International Academic Congress “Fundamental and Applied Studies in EU and CIS Countries” (United Kingdom, Cambridge, England, 14-16 October 2015). Papers and Commentaries, vol. II., Cambridge, Cambridge University Press, pp. 152–158.

Schopenhauer, A. (1900) *Eristics. Tricks* [Electronic resource] // Schopenhauer A. *The art of winning in disputes*. Collection. Per. N.L. d'André, SPb., Warehouse in the F.I. Mityurnikov` bookstore , pp. 3–27. Access mode: <https://ru.wikisource.org/wiki/> (In Russian)

Sharma, U., Datta, R.K., Pabreja, K. (2020) Sentiment analysis and prediction of “election results 2018” // Shukla R.K., Agrawal J., Sharma S., Chaudhari N.S., Shukla K.K. (Eds.) *Social Networking and Computational Intelligence*, Singapore, Springer, pp. 727–739.

Skovorodnikov, A.P. (2014) *Effective verbal communication (basic competencies): a dictionary-reference book*, Krasnoyarsk, Sibir Federal University, 852 p. (In Russian)

Stepanov, Yu.S. (1999) Paris - Moscow, spring and morning. Foreword // *Squaring of meaning: French school of discourse analysis* / General editorship by P. Serio, M., JSC IG Progress, pp. 3–11. (In Russian)

Whitehead, A.N. (1990) *Selected works on philosophy* / Redactor I.T. Kasavin, General editorship and introduction by M.A. Kissel, M., Progress, 387 p.